

Библиографический список

1. Щербина Ф. А. В каких законах нуждаются сельские рабочие? // Северный вестник. СПб., 1886. № 5. С. 62–83.
2. Его же. Рабочие на Кубани // Дело. СПб., 1884. № 4. Отд. 4. С.1–37; Его же. Задачи русской общественной мысли // Русская мысль. М., 1881. № 3. С. 24–37; и др.
3. Алексеев Н.А., Трехбратов Б.А. Ф. А. Щербина как историк пролетариата Кубанской области // Сб. материалов VIII науч.-практич. конф. «Федор Андреевич Щербина, казачество и народы Северного Кавказа: история и современность». Краснодар, 2008. С. 24–29.

Н.Б. Хайлова

Финансовый университет при Правительстве РФ

ПАРТИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕФОРМ О ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ П.А. СТОЛЫПИНА¹

Партия демократических реформ (ПДР) была образована в конце ноября 1905 – январе 1906 г. в Петербурге по инициативе экономиста А.С. Посникова и публициста К.К. Арсеньева. Влияние ПДР в I Думе было заметным благодаря признанному авторитету М.М. Ковалевского, В.Д. Кузьмина-Караваева (избран также во II Думу), кн. С.Д. Урусова. Несмотря на краткий срок своего существования (до конца 1907 г.), ПДР оставила заметный след в общественно-политической жизни России. Преемственность во взглядах по программным и тактическим вопросам между ПДР, Партией мирного обновления, а впоследствии – Партией прогрессистов, схожесть их организационных принципов, общность социальной базы, наконец, видная роль лидеров ПДР в становлении и развитии указанных партий – все это позволяет рассматривать ПДР как идейный исток «прогрессизма» и первый опыт организационного оформления центристского (между кадетами и октябристами) течения в русском либерализме.

Полагая, что в России лишь либерально-демократическая политика может быть плодотворной и успешной, идеологи ПДР были убеждены в том, что «истинно конституционные партии не могут у нас в России не опираться на народную массу; они не могут, следовательно, доволь-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10–01–00168а.

становаться одними политическими реформами и должны стремиться к социальным преобразованиям, т.е. к разрешению на широких демократических началах вопросов аграрного и рабочего» [1]. ПДР выступала за мирное обновление России путем демократических реформ с учетом исторического опыта России и стран Запада. В основу тактики ПДР был положен принцип постепенности преобразований, абсолютное неприятие насилия как метода политической борьбы.

Лидерам ПДР было чуждо противостояние власти как самоцель. С удовлетворением они отмечали, что источник программы социально-политических реформ, провозглашенной П.А. Столыпиным, это – идеи, заимствованные у оппозиции. И впоследствии ПДР никогда не оставляла надежды на сотрудничество власти и общества на почве «положительных идеалов». Вместе с тем по мере реализации правительственной программы нарастало критическое отношение «демреформаторов» и их единомышленников из рядов «левого центра» к деятельности столыпинской команды («кабинета обещаний»). Как фактическое возрождение режима В.К. Плеве характеризовалось развитие ситуации в России вскоре после роспуска I Думы. Идеологи ПДР видели суть столыпинского курса в том, чтобы «подавить, заодно с анархией, и общественную самодеятельность, а в то же время осчастливить народ, помимо его воли и без его содействия», превратить Думу в «декоративное дополнение» правительственной политики [2]. По мнению ПДР, политика Столыпина не отличалась оригинальностью, а представляла собой типичную реакцию бюрократии на проявления смуты в обществе и настоятельную необходимость преобразований. Как пример «бюрократического способа мышления» идеологи ПДР характеризовали, в частности, лозунг столыпинской политики «сначала порядок, потом реформы». Настаивая на обреченности попыток правительства «победить народ и править Россией как завоеванной страной», члены ПДР были убеждены в том, что «единственный здравый метод политики: реформы как источник успокоения, а не наоборот» [3]. Задачей момента объявлялось упразднение «самовластия чиновников». Важная роль в этом деле отводилась реформе местного управления на принципах всесословности, создания в пределах волости мелкой земской единицы.

Разоблачая «бессилие власти, нецелесообразность ее поступков и безнадежную неумелость ее агентов», деятели ПДР неоднократно разъясняли свою критическую позицию по отношению к правительству: «Мы делаем это вовсе не из вкуса к безвластию, а из искреннейшего желания положить безвластию конец. <...> Наш идеал – власть, опираю-

щаяся на народное доверие и потому не нуждающаяся в бесчеловечном терроре». «Отрицательное отношение к анархии слева составляет такую же интегральную часть нашей программы, как и отрицание анархии справа», – неизменно подчеркивали лидеры ПДР. В то же время они обращали внимание на особую опасность «правильному развитию страны», исходившую справа, от той «патриотической “мафии”» (П.Д. Боборыкин), которая оказывала заметное влияние на правительственную политику [4].

По мнению сторонников ПДР, усиление правительственных репрессий не учитывало «психологический переворот», совершившийся в общественном сознании: «Свобода собраний и право союзов стали для русского человека жизненной потребностью. <...> Между тем, права и свободы даются только черносотенным элементам, а мирная оппозиция, составляющая действительное большинство населения, продолжает жить в условиях самодержавного строя» [5]. ПДР выступала за повсеместную отмену режима чрезвычайной охраны, «налагающей тяжелые оковы на все проявления общественной жизни», а также критиковала установленный в России порядок легализации политических партий: «Утверждение партии правительством – явный абсурд, как потому, что правительство является здесь судьей в собственном деле, так и потому, что отказом в утверждении не прекращается, а лишь затрудняется деятельность партии. <...> Все партии законны; незаконными могут быть только действия. <...> Реестр партий, с правдивой их оценкой, может быть составлен только историей» [6].

Забота о привилегированном меньшинстве должна уступить место заботе об обездоленных народных массах – эта идея определяла сущность экономической программы ПДР. Отличительная черта программы ПДР – подробная разработка аграрно-крестьянского вопроса в русле гармонизации интересов всех социальных сил, затрагиваемых земельной реформой, учета конкретных местных условий, разумного сочетания, но не противопоставления форм земельной собственности (частной, общинной, государственной). Идеологи ПДР полагали, что «пора довершить дело, начатое 19 февраля 1861 года и давно остановившееся на полдороге». В программе ПДР впервые была сформулирована идея образования государственного земельного фонда для дополнительного наделения малоземельных и безземельных крестьян землей. Предполагалось формирование этого фонда за счет земель государственных, удельных, кабинетских, монастырских, а также путем принудительного выкупа государством части помещичьих владений («хуже других эксплуатируе-

мых, лишенных хозяйственного инвентаря и более всего обремененных долгами»). ПДР разоблачала мнение «верхов» о недопустимости отчуждения помещичьих земель, утверждая, что «признанию права собственности нимало не противоречит выкуп земель государством в интересах общественной необходимости» [7]. Согласно программе ПДР, земля из государственного фонда должна была передаваться крестьянам на правах «вечнонаследственной аренды», то есть не в собственность, а в бессрочное пользование (общинное или подворное, в зависимости от местных условий) за установленную законом умеренную плату, с правом передачи по наследству, но «без права отчуждения и залога». Посников разъяснял: «Нельзя давать в собственность, а то через некоторое время получится то же явление, что и сейчас: у одних окажется слишком много, у других – мало» [8]. Лидеры ПДР выступали с критикой как аграрных проектов правительства, так и леворадикальных партий: «Ни один из тех крайних полюсов, с одной стороны, наших правительственных сфер, с другой – наших общественных ликвидаторов, нас не удовлетворяет. Оба порядка одинаково предполагают ломку существующего. Народу навязываются формы экономического устройства, наступления которых сам он не требует, которые противоречат его прошлому, <...> насильственно раскрывают перед ним двери неизвестного будущего. <...> Мы не берем на себя смелости решать за самих крестьян вопрос о преимуществах общинного, подворного или личного землевладения, как нет ее у нас и для того, чтобы одним росчерком пера упразднить все существующие юридические отношения и предпринять небывалый еще поход в пользу обращения одной шестой поверхности материков в земельную коммуну» [9].

Идеологи ПДР негативно относились к хуторской системе хозяйства, полагая, что она не имеет достаточных корней в российской деревне и затруднит развитие кооперации – более прогрессивной, по их мнению, формы хозяйствования. Выражая мнение ПДР, депутат I Думы экономист Л.Н. Яснопольский характеризовал указ 9 ноября 1906 г. как проявление «политики разъединения крестьянства»: «Бросить возможность выделения в современную общину, дать этот шанс крепким хозяевам, не сделав ничего для полуничего большинства, это значит провоцировать такой раздор внутри ее, из которого нет другого выхода, кроме конечного распада общины, притом распада после ряда мытарств, под влиянием морального истощения крестьянства от этих раздоров. <...> Наделите массу дешевой землей, дайте ей кредит на устройство новых хозяйств, бережно относитесь ко всем не

вполне отжившим институтам народной жизни, внимательно устраняйте все трудности и препятствия, стоящие на пути возрождения масс, – тогда дайте дорогу индивидуализму. Тогда он не станет орудием сильных, тогда и только тогда он станет могучим рычагом культурно-экономического прогресса» [10].

Лидеры ПДР опасались роста социальной напряженности вследствие недовольства крестьян столыпинской реформой. Вместе с тем они обращали внимание на позитивные процессы в русской деревне, происходившие под давлением «новых требований времени» («перестройка жизненного уклада и самой психики массы»). Как полагали «демреформаторы», эти процессы набирали силу зачастую не благодаря правительственной деятельности, а независимо от нее и даже ей вопреки: «Появление на сцене жизни нового поколения, не знавшего крепостного права и получившего хотя какое-либо образование, раскрытые русско-японской войной язвы бюрократического строя, освободительное движение, сельскохозяйственный кризис, делающий невозможным продолжение рутинной техники в земледелии, уроки культурных людей, большая свобода инициативы, завоеванная за последние годы, – все это ставит сельскую жизнь на новый путь, на новые рельсы, с которых не сдвинуть ее никакими репрессивными мерами. Напротив, упорство репрессивной политики лишь шире раскрывает глаза населению на органические дефекты старого строя» [11].

Характеризуя «конституционализм г. Столыпина», лидеры ПДР отмечали: «Кабинет г. Столыпина продолжает дело г. Горемыкина – дело развенчания акта 17-го октября и демобилизации всех обещанных свобод. Для настоящего кабинета, как и для прошлых двух, Манифест 17-го октября принял форму фургона, перегруженного обещаниями и завязшего в болоте революции. Новые лошади и новый возница должны этот воз сдвинуть; но куда – в этом их секрет. Для обывательских же глаз, здесь секрет полишинеля. <...> Мы допускаем, что личное мировоззрение г. Столыпина расходится с мировоззрением Союза русского народа. Но мы твердо убеждены, что по собственной инициативе г. Столыпин не подсказал бы акта 17-го октября. Еще в больше мере это относится к его коллегам. Чего же можно ожидать от правительства, столь чуждого идее, которой оно призвано служить? Но драма России глубже – драма в том, что сама идея померла для правительства; оно стоит у раскрашенной, набитой всякими снадобиями мумии акта 17-го октября. Оттого оно неподвижно, как древний жрец, по внешности строго и корректно, а внутренне – беспомощно и жалко. Ново-

рожденную нашу свободу задушили и из трупа соорудили египетскую мумию, с головоломными надписями, напоминающими о блеснувшем было счастье, о нерасцветших правах и обязанностях граждан. Эту мумию крепко обнимает кабинет г. Столыпина. Может ли он с нею двинуться вперед?» [12]. Категорически осудив роспуск I Думы, ПДР еще до начала выборов во II Думу выступила с прогнозом деятельности правительства: «Оно вновь и вновь будет распускать Думу, пока избиратель не смирится, пока он не изберет лиц, в программе которых содержится единственный пункт: власть законодательная да подчинится власти исполнительной» [13].

Дальнейшее развитие событий в стране во многом подтвердило верность оценок столыпинского курса, с которыми выступили деятели ПДР в годы первой русской революции. Очередным поводом для обличения правительственной политики в отходе от принципов Великих реформ 1860-70-х гг. стало для либералов-центристов празднование 50-летия Крестьянской реформы. Тогда в среде право-консервативных, проправительственных сил наметилось стремление характеризовать крепостничество как в целом устойчивую систему, «своеобразный семейный быт, где образованное сословие пользовалось правами старших в семье», в силу чего правительство якобы намеренно обеспечило преобладание в земстве за «более образованным классом населения». Возмущенный искажением исторической правды, Арсеньев указывал на недопустимость («и 50 лет назад, и теперь») представлять крестьянство, т.е. большую часть населения России, как «бессознательный элемент» – людей, «не поднявшихся еще практическими навыками и здравым смыслом», а потому нуждающихся в опеке и «присмотре» со стороны «сознательных» руководителей. Арсеньев открыто заявлял, что провозглашаемая «некультурность» крестьян – это фикция, используемая верховной властью и ее опорой – дворянством для сохранения status quo в социально-политическом устройстве России. «Масса, и до сих пор необразованная, не нуждается ли в установлении над нею “дисциплинарной власти”, конечно – “регулируемой” и “введенной в твердые правовые начала”? А материал для организации такой власти не имеется ли налицо в среде “образованного общества” – т.е. тех общественных сфер, которые приняли наследство бывшего помещичьего класса? Нельзя ли создать суррогат той “жизненной системы”, которую легкомысленно разрушило 19-ое февраля? И на эти вопросы поддается утвердительный ответ», – констатировал Арсеньев. Глубоко

возмущенный попытками «идеализировать крепостное право, затуманить или скрасить его мерзость, найти в нем что-нибудь достойное похвалы или подражания», Арсеньев видел главное предназначение юбилейных торжеств 1911 г. в том, чтобы, «еще раз оглянувшись на мрачное прошлое, бесповоротно осудить все его заветы» [14].

И вот спустя столетие календарь юбилейных торжеств вновь представляет возможность актуализировать нашу историю, т.е. использовать ее опыт как повод для обсуждения «болевых точек» современности. На этот раз очередные «круглые даты» связаны с отменой крепостного права и днем рождения П.А. Столыпина, последнего крупного реформатора в истории Российской империи. Вспоминая о несомненных заслугах этого незаурядного государственного деятеля, важно не «замалчивать» крайне противоречивый характер его преобразований и их последствий (а такая тенденция уже набирает силу) и не создавать новых мифов о Столыпине – как «рыцаре без страха и упрека». Представляется полезным (для лучшего понимания как прошлого, так и настоящего) услышать в дни торжеств не только голоса апологетов очередного «героя дня», но еще и мнения (зачастую вовсе не «юбилейные») его выдающихся современников, в т.ч. либералов-центристов.

Библиографический список

1. Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы. 1906–1916. М., 2002. С. 84.
2. Страна. 1906. № 166. 21 сентября.
3. Там же. № 222. 25 ноября.
4. Там же. № 165. 20 сентября; № 167. 22 сентября.
5. Там же. № 170. 26 сентября.
6. Там же. 1907. № 4. 5 января.
7. Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия I. С. 343–344.
8. Страна. 1906. № 63. 4 мая.
9. Там же. № 68. 10 мая.
10. Там же. № 213. 15 ноября.
11. Там же. № 206. 7 ноября.
12. Там же. № 204. 4 ноября.
13. Там же. № 63. 17 сентября.
14. Вестник Европы. 1911. № 2. С. 313–315.